

НАЦИОНАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ БЕЗ НАЦИОНАЛИЗМА: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕТИПИЧНЫХ СЛУЧАЕВ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА*

С. П. Поцелуев

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Статья посвящена методологии анализа национальной мобилизации, в особенности тех ее случаев, которые не вдохновляются преимущественно националистическими идеями. Подвергая критическому анализу различные позиции историков и политологов, автор стремится обосновать необходимость различия между национальной и националистической мобилизацией. Основой данного различия выступает понимание национализма как политической идеологии, которая может выступать в качестве инструмента национальной мобилизации в чистой либо гибридизированной форме. Однако для успеха национальной мобилизации важно не только концептуальное содержание идеологий, но и характер коммуникативного средства (пресса, «агитпроп» и т.д.) и способ коммуникации (сгущенная и диалогически ориентированная символическая коммуникация). Подчеркивается, что такая коммуникация может обуславливаться разными идеями, в том числе христианскими и даже коммунистическими. На примере социальной мобилизации в период немецкой Реформации, а также советского, югославского и китайского социализмов автор показывает, каким образом даже интернационалистские по своим истокам идеологии могут служить инструментом строительства наций. С опорой на имеющийся в научной литературе опыт исследования национально-коммунистической мобилизации (Ч. Джонсон, Д. Бранденбергер, М. Барнс) автор подвергает критике предложенное М. Джиласом понятие «бюрократический национализм». Мобилизационный потенциал националистической и любой иной идеологии реализуется как благодаря ее собственным концептам и концептуальным гибридам, так и в силу ее соответствия общей специфике массовой социальной мобилизации. Будучи видом такой мобилизации, национальная мобилизация есть не только пропаганда и тем более не только националистическая пропаганда, но и способ формирования и поддержания национальной общности через реструктуризацию наличных социальных идентичностей в контексте символически сгущенной и диалогически ориентированной коммуникации. В этом смысле можно говорить о символической политике национальной мобилизации.

Ключевые слова: национальная мобилизация, национализм, сгущенная символическая коммуникация, немецкая Реформация, национал-большевизм, национал-коммунизм, бюрократический национализм, социалистическая Югославия, маоистский Китай.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ в сфере научной деятельности. Проект № 30.2875.2017/8.9 «Этнополитическая и этнорелигиозная мобилизация черкесов и тюркских народов на Кавказе, в Крыму и диаспорах за рубежом».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Для авторов, отталкивающихся от известной сентенции Э. Геллнера о том, что «именно национализм порождает нации, а не наоборот» (Геллнер, 1991, с. 127), национализм играет ключевую роль в определении наций и национальных движений. Так, немецкий историк и политолог Э. Ян заявляет, что «национальные движения — это политические движения, борющиеся за национализм» (Ян, 2010, с. 52). Соответственно, «только если в политическом отношении достаточно большое число людей, принадлежащих к большой группе, переняло национализм, т. е. хочет собственной государственности, можно говорить о существовании нации» (Ян, 2010, с. 48). На наш взгляд, эти тезисы не всегда верно отражают как феномен нации (нация — это сообщество и националистов, и просто людей с национальной идентичностью), так и феномен национальной мобилизации (она может вдохновляться как националистическими, так и ненационалистическими лозунгами). Даже если согласиться с тем, что национализм создает нацию (или — что точнее — участвует в ее создании), отсюда еще не следует тождества национализма и национального самосознания.

С учетом спорности приведенной выше позиции немецкого ученого (а он не одинок) цель данной статьи — прояснить соотношение понятий (феноменов) национализма и национальной мобилизации. Для этого мы критически анализируем ряд идей преимущественно западных историков и политологов с опорой на нетипичные для национализма случаи нациестроительства.

Является ли национализм политической идеологией? Э. Ян сводит суть националистического мировоззрения к системе мыслей, чувств и поведенческих актов большой группы людей, стремящихся обрести собственную государственность (Ян, 2010, с. 22). Это определение национализма нам представляется неполным, поскольку оно оставляет за скобками содержательную специфику собственно националистических идей, что не случайно: свое широкое понятие национализма Э. Ян оправдывает желанием смягчить негативизм общепринятого понимания националистической установки, которое немецкий политолог сводит к «агрессивным, насильственным, нетолерантным и надменным формам национального сознания», чему якобы противостоит понятие патриотизма как «нормального» и «здорового» национализма (Ян, 2010, с. 22). Такое несколько упрощенное изложение имеющегося в науке концептуального аппарата для исследования национальных феноменов, на наш взгляд, скорее запутывает, чем проясняет суть дела.

Не разделяя упомянутую широкую трактовку национализма, мы исходим прежде всего из того, что изначально «национализм являлся лишь одной из многих форм национального сознания» и в этом своем качестве — лишь одним из моментов национального движения, понятого как «организованные попытки по обретению всех атрибутов полноценной нации (которые не всегда и не везде бывали успешными)» (Хрох, 2002, с. 124). Для того чтобы обрести национальную идентичность, человеку вовсе не обязательно становиться националистом — подобно тому как женщине совсем не нужно становиться феминисткой, чтобы иметь женское самосознание.

Далее, под национализмом мы понимаем, солидаризуясь с немецким политологом Г.-Ю. Пуле, прежде всего политическую идеологию. С одной сторо-

ны, такая идеология постулирует преимущество интересов собственной нации над другими в качестве политического принципа, причем отстаивание национальных интересов чаще всего оправдывается предположениями культурного превосходства, приобретенного исторически и обоснованного религиозно или биологически, не без миссионерской установки. С другой стороны, национальная идентичность позиционируется при этом выше всех других социальных идентичностей и групповых привязанностей (Пуле, 2010, с. 175). Сходное определение национализма дает чешский историк М. Хрох, правда, отказывая ему в идеологическом статусе, но называя «мировоззрением, в рамках которого придается абсолютный приоритет ценностям нации над всеми иными ценностями и интересами» (Хрох, 2002, с. 124). У британского историка Дж. Бройи концепт национализма также предполагает, что «объектом политической идентификации и лояльности в первую очередь и главным образом является нация», которая «должна иметь политическую автономию, лучше всего — в форме суверенного государства» (Бройи, 2002, с. 204). Немецкий историк О. Данн заостряет негативный аспект национализма, трактуя его как «позицию, которая [не опирается] на убеждение в равном достоинстве всех людей и наций, а исходит из идеи неполноценности других народов и наций, рассматривая их как врагов и строя на этом отношения с ними» (Данн, 2003, с. 16).

Все приведенные определения национализма корректны, но им не хватает личностного, экзистенциального измерения, которое присутствует в удачном описании национализма немецким историком П. Альтером. По его словам, «национализм возникает в том случае, когда имеется нация как большая общественная группа, и прежде всего по отношению к ней у отдельного человека формируется чувство принадлежности, когда эмоциональная привязанность и лояльность к нации располагаются на самом вершине шкалы связей и лояльностей. Не государство или конфессия, не династия или партикулярное государство, не ландшафт, не племя и даже не социальный класс определяют первичную надличностную систему отсчета. Отдельный индивид тоже не является отныне, как это, например, еще постулировалось философией Просвещения, прежде всего частью человеческого рода и, следовательно, гражданином мира, но чувствует себя скорее членом той или иной нации. Он отождествляет себя с ее историческим и культурным наследием, а также с формой ее политического существования. Нация (или национальное государство) формирует для человека среду обитания и передает ему кусочек жизненного чувства в настоящем и будущем» (Alter, 1985, S. 14 usw.).

Заметим, что даже те авторы, которые акцентируют в национализме «священный эгоизм нации», не всегда признают в нем политическую идеологию. Для Б. Андерсона, например, национализм является не идеологией, а чем-то вроде «светской религии», во всяком случае, стоит в одном ряду с религиозно-архаическим сознанием (Андерсон, 2001, с. 30). Но заявляя, что «националистическое воображение» предполагает «тесное духовное родство с религиозным воображением», а потому его не следует связывать «с принимаемыми на уровне самосознания политическими идеологиями» (Андерсон, 2001, с. 33), британский политолог, на наш взгляд, слишком упрощает не только феномен нацио-

нализма, но и специфику политических идеологий. Если отличать идеологию как теоретически выраженную доктрину от идеологии как момента массовой социальной мобилизации, то в последнем случае она едва ли дальше от религии, чем национализм. Очевидно, что в национализме, как утверждает Э. Геллер, «ключевая идея всегда настолько проста и понятна, что воспользоваться ею может кто угодно в любое время», но сомнительно, что это «не всегда справедливо» по отношению к другим социальным движениям (Геллер, 1991, с. 260). Социальное движение может заслужить свое название только в том случае, если оно будет вдохновлено (мобилизовано) массовой идеологией. А последняя неизбежно редуцируется по содержанию к нескольким ключевым идеям-лозунгам, доступным для всеобщего понимания. Вместе с тем и в самом национализме надо различать разные уровни, как делает, например, Дж. Бройи, выделяя в нем «три области интересов: доктрину, политику, чувства» (Бройи, 2002, с. 201). Национализм вполне может существовать как доктрина на уровне прочих «измов», обслуживая соответствующие групповые интересы; другое дело, что «возникновение национальных чувств следует увязывать с куда более сложным комплексом перемен, чем простое распространение доктрины от интеллектуалов-творцов к широким слоям населения» (Бройи, 2002, с. 202).

Отрицание за национализмом идеологического статуса часто выступает чуть ли не главным аргументом в пользу его особой способности сочетаться (гибридизироваться) с любыми идейно-политическими ориентациями. Э. Ян объясняет идейную «открытость» национализма тем, что он «в общественно-политическом смысле остался без содержания» (Ян, 2010, с. 22). Поэтому важен не идеологический окрас национализма, а его политическая функция — «отграничение существующего или желаемого народа от определенного государства и от других народов» (Ян, 2010, с. 22). Сходное функциональное (в ценностном плане «нейтральное») понятие национализма предлагает американский политолог К. Симмонс-Симонолевич. Он определяет его как «активную солидарность группы, претендующей быть нацией и стремящейся быть государством». В этом смысле «национализм не является ни хорошим, ни плохим, ни либеральным, ни нелиберальным, ни демократическим, ни недемократическим. Когда национализм рассматривается как движение, он представляет собой ряд этапов в борьбе данной солидарной группы за достижение своих основных целей объединения и самоуправления» (Symmons-Symonolewicz, 1965, p. 227).

Ничего не имея против функционального определения национализма, мы не видим в этом основания считать национализм в ценностном плане нейтральным. Видимость такой нейтральности возникает из-за недооценки общей логики социальной мобилизации, которая приспособливает под себя любые идеологические узоры. Этим объясняется известная (хотя и не безбрежная) релятивизация принципиальных (с доктринальной позиции) различий между базовыми концептами идеологий (человечество, класс, нация, раса, гендер, умма и т. д.), коль скоро те задействуются как инструменты мобилизации. Какими бы идеями социальная мобилизация ни вдохновлялась, она определяется

как минимум тремя факторами: исходной коллективной идентичностью, идентификацией противника и определением цели движения (Melucci, 1996, p. 292). И все идеологии так или иначе должны учитывать эти факторы, а потому неизбежно прагматизироваться, гибридизироваться, упрощаться и т. д.

С учетом этой общей для всех идеологий мобилизационной метаморфозы представляется контрпродуктивной трактовка М. Хрохом национализма не как политической идеологии, а как специфического умонастроения — реакции на стрессовые социальные ситуации со стороны отдельных индивидов и социальных групп (Хрох, 2010, с. 119). Такая трактовка национализма близка представлению британского политолога Т. Нейрна о национализме как «патологии современного развития, столь же неизбежной, как «невроз» у индивида» (цит. по: Андерсон, 2001, с. 30). Отсюда логично приходят к толкованию национализма как своего рода психологического довеска к любым политическим идеологиям. Не вдаваясь подробно в данный сюжет, заметим лишь, что любая идеология есть ответ на серьезный социальный вызов¹; в этом смысле «нестрессовых» идеологий вообще не бывает. Упомянутая «психопатологизация» национализма есть недоразумение, и пресловутое «лицо Януса» национализма (Пуле, 2010, с. 179) ничем не отличается от лиц прочих идеологий, которые, гибридизируясь, тоже могут быть правыми или левыми, революционными или реформистскими, прогрессивными или реакционными, или сразу всеми вместе².

Спорным среди историков и политологов оказывается не только идеологический статус национализма, но и его локализация в историческом времени. Так, немецкий историк Д. Лангевисше (Langewiesche, 2000, S. 21) категорически не согласен с тем, что разница между средневековыми «дворянско-клерикальными нациями» и нациями современными носит лишь количественный, а не качественный характер, как это утверждает немецкий медиевист Й. Элерс (Ehlers, 1994, S. 8 usw.). Между тем понятием дворянской (сословной, княжеской) нации пользуются многие историки. По словам О. Данна, «до начала XX в. новейшая немецкая история развивалась под знаком политической конкуренции двух «наций»: национального союза князей (нация князей) и современной нации новой эпохи, которую представляли народные слои (народная нация)» (Данн, 2003, с. 30). Заметим, что у Данна признание дворянской нации не только как идеологического фантома, но и как политической реальности позднего Средневековья (или раннего Нового времени) не противоречит модернистскому понятию нации как явлению, порожденному, помимо прочего, «коалицией протестантизма и печатного капитализма» (Андерсон, 2001, с. 63). Вместе с тем этому не противоречит и признание факта националистической идеологии уже в эпоху раннего Нового времени, пусть и в гибридной форме.

¹ К такому выводу, например, склоняется в своем исследовании идеологического дискурса известный голландский политический лингвист Т. ван Дейк, замечая, что большинство идеологий обнаруживают структуру «проблема — решение» (Dijk, 1998, p. 66–67).

² Возможность научного объяснения идеологических гибридов, в том числе с участием националистических идей, открывает, на наш взгляд, концептно-морфологический подход, предложенный британским политическим философом М. Фриденом (Freeden, 2006).

По данному вопросу среди историков и политологов нет единства. Так, немецкий историк Х. А. Винклер полагает, что «в Англии национальная гордость хотя и охватывает большую часть населения впервые с периода пуританской революции XVII столетия, эта гордость, однако, сознательно основывается на ветхозаветном мессианском сознании и тем самым намного сильнее, чем тогдашний континентальный абсолютизм, коренится в преמודерновых представлениях» (Winkler, 1985, S. 5). Следовательно, для Винклера нет оснований говорить об английском национализме в XVII в. именно потому, что национальные идеи здесь еще тесно переплетены с религиозными. Немецкий историк Х. Кон, напротив, именно в этом переплетении усматривает начало специфически английского национализма. По его словам, «под влиянием пуританизма обновились три главные идеи еврейского национализма: избранный народ, союз с богом, мессианское ожидание. Англичане рассматривали свой народ как новый Израиль. Английский национализм возник таким образом на религиозном основании, и этот свой характер он сохранил вплоть до наших дней» (Kohn, 1964, S. 21).

Известный немецкий политолог Г. Мюнклер, анализируя полемику историков, также ставит под сомнение общепринятое представление о том, что «только с эпохи Французской революции имеют место две отличительные черты, составляющие суть национализма: полная секуляризация национального сознания и роль национализма как инструмента массовой мобилизации» (Münkler, 1989, S. 56). Не менее проблематичной представляется немецкому ученому и «попытка отделить национализм как, по определению, полностью секуляризованную позицию сознания от религиозных форм национальной самооценки» (Münkler, 1989, S. 57).

Нам представляется достаточно убедительной попытка Мюнклера найти средний путь между упомянутыми крайними позициями в споре историков. С одной стороны, немецкий политолог соглашается с высказанной в свое время мыслью Йохана Хёйзинги о том, что из факта возникновения к началу XIX в. понятия национализма еще не следует, что и *сам предмет* этого понятия (т. е. феномен национализма) до той поры не существовал (Huizinga, 1942, S. 133). С другой стороны, Мюнклер не считает национализм извечным феноменом и видит только в раннем Новом времени примеры того, что «национальное сознание могло прийти до определенных националистических чувств и высказываний, не оказывая глубокого и длительного влияния на политику европейских государств (протонационализм)» (Münkler, 1989, S. 59). Лишь на рубеже XVIII–XIX вв. национальное сознание и национализм становятся не только эпизодическими, но структурными детерминантами европейской политики (Münkler, 1989, S. 59). Вместе с тем Мюнклер выступает против того, чтобы резко отрывать феномен национализма XIX в. от предшествующих его форм. Скорее, немецкий политолог видит здесь постепенный пошаговый процесс «трансформации и амальгамирования» (Münkler, 1989, S. 59) феномена (концепта) нации, начиная со Средневековья и вплоть до XIX в. Например, в Германии националистические умонастроения «после вулканического извержения в начале XVI в.» (Münkler, 1989, S. 86) постепенно сошли на нет и были реанимированы лишь в эпоху Французской революции.

Итак, широкое понятие национализма, которое предлагает Э. Ян и другие авторы, представляется нам неудовлетворительным, поскольку оно стирает существенные различия между национальным (в том числе национально-патриотическим) и националистическим сознанием. Одно из следствий такого подхода — методологическая слепота в отношении тех форм национальной мобилизации, которые не осуществляются под националистическими лозунгами, но ведут к формированию наций, в особенности гражданских.

Национальная мобилизация как символически сгущенная коммуникация. С учетом сказанного выше национальную мобилизацию можно понимать в узком и широком смыслах. В узком смысле национальную мобилизацию можно вслед за Дж. Бройи определить как «применение националистических идей для обеспечения поддержки политическому движению среди широких слоев, которые прежде были выключены из политического процесса» (Бройи, 2002, с. 226). Здесь мобилизация связывается исключительно с националистической идеологией, что, на наш взгляд, не исчерпывает всех случаев национальной мобилизации, ведь и сам британский ученый замечает: «Мобилизация масс, которая подчас действительно происходит, может быть связана скорее с его апелляцией к групповым интересам или ценностям ненационалистического порядка, нежели с националистическими пропагандой и деятельностью» (Бройи, 2002, с. 221).

Вместе с тем национальная мобилизация может трактоваться узко и в аспекте ее практических средств, например, когда она отождествляется с пропагандой и агитацией (в качестве примера такого подхода см.: Schwaiger, 2002, S. 12). Для осмысления случаев ненационалистической, но вместе с тем национальной мобилизации требуется, конечно, более широкая, чем упомянуто выше, трактовка национальной мобилизации. Слегка перефразируя чешского историка Ф. Грауса, национальную мобилизацию можно определить как «национальное сознание, реализуемое в действиях» (Graus, 1980, S. 16). Такое прагматическое определение Граус дает национализму, раздвигая его границы за рамки XIX–XX вв. к реформационным движениям позднего Средневековья. Однако с этим согласны далеко не все авторы. Так, Д. Лангевитше утверждает, что «нация как предельная ценность, которая оправдывает все требования, предъявляемые властям, за которую люди в военное время готовы умирать и которой они чувствуют себя обязанными, — это представление, впервые обнаружившее в эпоху Французской революции свою силу массового внушения, только в ходе XIX в. утвердилось в качестве общественной позиции большинства» (Langewiesche, 2000, S. 17). До этого времени таким идеологическим приоритетом идея нации, по Лангевитше, в общественном сознании не обладала, соответственно, не было оснований и для национальной мобилизации.

Между тем идеология немецкой Реформации активно оперирует концептом немецкой нации, и этот концепт для нее не менее важен, чем чистота христианского вероучения. Более того, в текстах М. Лютера эти две идеи образуют идеологический гибрид, так что в конце концов борьба за возрождение христианства оборачивается прославлением немецкой нации, которая тоже как бы

возрождается из забвения и поругания вместе с учением Христа³. По словам Д. Лангевише, немецкая нация была произведением протестантов. «Немецкое национальное движение всегда утверждало, что оно якобы надпартийно. Но в действительности его культура была полностью заражена протестантизмом. Когда праздновали нацию, пели протестантские песни, почитали Лютера и стилизовали Реформацию под немецкую революцию... Когда в конце XVIII в. северогерманские просветители публично рассказывали о своих путешествиях по католическому югу Германии, они производили впечатление этнологов, открывших доселе неизвестные племена, т.е. чуждых по облику людей с непросвещенным, магическим мышлением, одним словом, католиков» (Langewiesche, 2000, S. 100–101).

Немецкий историк Х.-У. Велер замечает, что как только национализм в условиях революционного модернизационного кризиса обнаруживается в качестве легитимационной, мобилизационной и интеграционной доктрины, он уже не ограничивается узким кругом интеллектуалов, но становится массовым феноменом. Одним из ключевых факторов выступает здесь сгущение (конденсация) социальной коммуникации (*Kommunikationsverdichtung*) (Wehler, 2004, S. 45) как эффект коммуникативной революции, открытой книгопечатанием и становлением национальных языков.

Метафору сгущенной социальной коммуникации можно эксплицировать социологически с опорой на понятие социальной мобилизации, предложенное итальянским социологом А. Мелуччи (Melucci, 1996). Последний связывает с мобилизацией не только активизацию уже существующей коллективной идентичности социального актора и не просто «вовлечение отдельных лиц и групп в социально-политические акции или политические движения» (Meyers Enzyklopädisches Lexikon, 1976, S. 356), но и процесс, в котором «происходит настоящая “мутация”, реструктурируется “генетический код” группы», что и позволяет сформировать новую социальную идентичность (Melucci, 1996, p. 292). Соответственно, национальная мобилизация, в отличие от любой мобилизации в пороговых ситуациях войн и катастроф, не носит эпизодического характера, но составляет сам способ формирования и существования национальной общности. Так понятая национальная мобилизация включает, помимо агитации и пропаганды национальных символов (идей), комплекс политических (в широком смысле) реформ. Однако все эти кампании и реформы получают в рамках национальной мобилизации сгущенный символический смысл, который постоянно и в разных формах реализуется в общественной коммуникации.

³ Лютер придает вполне современный смысл старому термину *nation*, в связи с чем не перестает иронизировать по поводу парадоксального сочетания Римской империи с немецкой нацией в официальном названии своего государства (*Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae*). Придавая в своем трактате «К христианскому дворянству немецкой нации...» квазиэтнические черты папской курии как «постыдному дьявольскому правлению римлян», немецкий богослов тем самым конструирует кровного врага нации немцев, которых он одновременно восхваляет как «доблестных и богатых славой», отмеченных «благородством, постоянством и верностью». Одним словом, немцы — это великая нация, но сейчас нация «скорбящая» и нуждающаяся в «пробуждении» (Лютер, 2002, с. 19, 68, 79).

Концепт «коммуникативного сгущения» можно трактовать на пересечении двух понятий (и стоящих за ними концепций), а именно «сгущающих символов (символов-конденсатов)» (Э. Сепир, Н. Гудман) и «насыщенного описания» (С. Лангер, К. Гирц). Причем оба этих концепта объединяются в теории символической политики (М. Эдельман). Символические политические акты используют не обычные референтные знаки, но знаки как сгущающие смыслы символы-конденсаты, возбуждающие массовые эмоции и объединяющие события в одно смысловое целое. Тем самым знаки-конденсаты учреждают когнитивно-эмоциональные фреймы, благодаря которым люди находят смысл участия в коллективных действиях и формируют свои групповые идентичности. Не случайно немецкий историк М. Швайгер, написавший диссертацию о национальной мобилизации в Ирландии первой половины XIX в., по праву рассматривает «символическую политику» наряду с политической символикой в качестве «средства и формы» национальной мобилизации (Schwaiger, 2002, S. 276).

Заметим, что основоположник теории символической политики, американский политолог М. Эдельман отмечает особую «густоту» символов именно в «политическом спектакле», подчеркивая значение символических актов как перформансов. По его словам, название какой-либо проблемы или неоднозначного события становится символом-конденсатом в ходе публичного обсуждения (диалога), что вызывает, расширяет и углубляет общественный интерес к этой проблеме (событию) (Edelman, 1988, p. 22, 70). Это перекликается с гирцевским понятием культуры как «инсценированного документа», в контексте которого социальные события «могут быть адекватно, т.е. “насыщенно”, описаны» (Гирц, 2004, с. 21). Причем Гирц также подчеркивает ключевую роль диалога как способа обретения доступа к концептуальному миру культуры, в которой живут изучаемые люди.

Становление печатных национальных языков стало ключевой предпосылкой широкого общественного диалога как генератора национальных смыслов. В эпоху М. Лютера в Германии в течение всего двух десятилетий (с 1620 по 1640 г.) было продано в три раза больше книг на немецком языке (точнее, на его саксонском диалекте), чем за целых два предшествующих столетия (Wehler, 2004, S. 47). Аналогичная ситуация наблюдалась во Франции⁴, на основании чего Б. Андерсон выдвигает упомянутый выше тезис о «коалиции протестантизма и печатного капитализма», которая создала «огромные новые читательские публики... и одновременно мобилизовывала их на политико-религиозные цели» (Андерсон, 2001, с. 63). И этому не помешало, что большинство немцев, французов и итальянцев не говорили на национальных литературных вариантах своих языков даже к началу XIX столетия⁵. По словам английского историка

⁴ Как сообщает Б. Андерсон, «если из 88 изданий, напечатанных в Париже в 1501 г., за исключением 8 все были на латыни, то после 1575 г. большинство книг издавалось уже на французском» (Андерсон, 2001, с. 42).

⁵ Как замечает в связи с этим Х.-У. Велер, «не культурные традиции языка создавали национальное государство, а само национальное государство впервые делало “культурный артефакт” национального языка обязательным для всех средством коммуникации» (Wehler, 2004, S. 49).

А. Д. Диккенса, в эпоху немецкой Реформации революционные идеи внедрялись в сознание широкого круга читателей посредством печатной продукции именно на местных наречиях и с использованием местного фольклора (Dickens, 1966, p. 51).

Исключительно важную роль играла при этом диалогическая форма общения, на что обратил внимание советский историк В. Е. Майер. По его словам, как раз с началом Реформации жанр латиноязычного диалога, получивший распространение среди ученого люда позднего Средневековья, был онемечен и радикально демократизирован. При этом диалог как жанр (причем жанр не только литературный, но и коммуникативный) прямо работал на сплочение немецкой нации, ведь он давал возможность авторам «ввести в круг действующих лиц представителей разных социальных групп и излагать различные воззрения на один и тот же вопрос... пользоваться в самом широком смысле слова народной речью» (Майер, 2007, с. 173). Доступные для простонародья книжки с диалогами («Разговорники») стали одним из первых в истории коммуникативных средств массовой национальной мобилизации, пусть и переплетенной с мобилизацией религиозной. По словам В. Е. Майера, «в обстановке Реформации на диалоги ложилась заметная агитационно-пропагандистская нагрузка при распространении реформационных идей и мобилизации общественного мнения в их защиту» (Майер, 2007, с. 173).

Одним из ключевых факторов, существенных для любой социальной мобилизации, является идентификация реального (воображаемого) противника (соперника, врага) национальной общности (Melucci, 1996, p. 292). Символически нагруженный концепт врага именно потому важен для национальной мобилизации, что он, по словам Д. Лангевитше, «сгущает коммуникацию и таким образом создает структурную предпосылку для образования нации» (Langewiesche, 2000, S. 29). Сгущение коммуникации выглядит здесь как взрывное увеличение ее объема и жанров. Помимо книг и листовок, доступных только слою грамотных граждан, задействуется вся текстура социального общения, прежде всего разнообразие символов и символические акты. Так, национальная мобилизация в Германии XV–XVI вв. заметно продвинулась не только благодаря Реформации с ее «папой-антихристом» как главным врагом, но еще раньше — в период организованной самим папой мобилизации перед лицом угрозой турецкого нашествия. И тогда, помимо папских булл, зачитываемых публично, средствами массовой мобилизации выступали колокольный звон, проповеди, отпущение грехов и даже церковная десятина. Не случайно, как замечает Д. Лангевитше, именно в этот период в текстах папской пропаганды крестового похода против турок появляются термины *natio* и *nation Germanica*, а потом и вербальная формула *Heiliges Römisches Reich Teutscher Nation* (Langewiesche, 2000, S. 29). Так нужда в обороне перед реальным врагом заставила в срочном порядке перекодировать христианство как официальную политическую идеологию (не путать с христианской религией) Священной Римской империи в термины восходящего немецкого национализма.

Позже схожая история разыгрывается в советской политике XX в., где официальная идеология марксизма-ленинизма принимает вид национал-большевиз-

ма, сначала воплощавшего идею победы социализма «даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (Ленин, 1969, с. 354), а затем сплотившегося перед экзистенциальной угрозой нацистского порабощения. Аналогичными примерами могут быть Социалистическая Федеративная Республика Югославия, скрепленная (пусть и на время) общим опытом национально-освободительной борьбы против нацизма, а также коммунистический Китай, где «социализм с китайской спецификой» легитимируется не в последнюю очередь благодаря национальной мобилизации в борьбе с японским и американским империализмом.

В национальной мобилизации важно не только националистическое содержание идей, но и способ их подачи в общественной коммуникации. Самая что ни на есть националистическая фразеология при неадекватном способе ее проигрывания в коммуникативной текстуре общества может дать для формирования нации меньше, чем национально мобилизованные идеи коммунизма, либерализма, экологизма и др. Остановимся подробнее на этом моменте, обратившись к отдельным случаям национальной мобилизации в условиях коммунистических режимов.

Национальная идентичность как нечаянный эффект: случай сталинского «национал-большевизма». Можно согласиться с выводом Э. Яна о том, что «государственное советское, югославское или чехословацкое национальное самосознание, как и “социалистическое немецкое” в ГДР, оказалось однозначно слабее обычного этнического национального сознания» (Ян, 2010, с. 19). Однако отсюда не следует, что в упомянутых немецких странах не формировалась, с разной степенью успешности, надэтническая гражданско-государственная национальная идентичность. Отчасти это признает и сам Э. Ян, замечая, что «видимо, все-таки советский, югославский и чехословацкий, может быть, и государственный национализм ГДР в течение нескольких десятилетий действительно был намного сильнее, чем в переломный период 1985–1993 гг., даже если сомневаться в том, что эти государственные национализмы доминировали в национальном сознании соответствующего большинства народа» (Ян, 2010, с. 50). К тому же те, кто сегодня в новых государствах на территориях бывших социалистических федераций развили у себя этнонациональную идентичность, когда-то вполне могли иметь (в разной степени сформированное) гражданско-государственное, (квази)национальное самосознание. Национальная идентичность — это не билет в один конец. Э. Ян справедливо отмечает: национальная идентичность человека, как и любая другая, может меняться со временем, так что «одни и те же люди в разное время могут чувствовать принадлежность к разным нациям» (Ян, 2010, с. 50), причем порой даже не меняя место жительства.

Сказанное относится и к тем странам и режимам бывшего «социалистического содружества», которые — как в случае ГДР — возникли прежде всего в силу внешних факторов, а не в результате национальной мобилизации в годы войны (Югославия) или при наличии прецедента «буржуазной» государственности (Чехословакия). Концепт «социалистической немецкой нации»⁶, который

⁶ Согласно тогдашней официальной трактовке, «социалистическая немецкая нация есть новая социально-нравственная общность, в которой на место классового антагонизма, харак-

пропагандировался в ГДР с приходом к власти Э. Хонеккера, сегодня воспринимается как «подчиненная императиву идеологического отграничения догма нации», которой в действительности противостояла общенемецкая национальная идентичность, сохранявшаяся вопреки послевоенному разделению Германии (Шох, 2010, с. 322). Однако это представление, на наш взгляд, несколько упрощает реальную ситуацию. Хотя граждане ФРГ, если судить по социологическим опросам, достаточно четко отделяли коммунистический режим восточной Германии от ее простых жителей⁷, все же сразу после германского воссоединения в 1990 г. симпатии западных немцев по отношению к восточным резко пошли на спад. Известный немецкий журнал «Шпигель» сообщал в 1993 г. шокирующие (для идеологемы общегерманской национальной идентичности) данные социологического опроса, проведенного в середине 1991 г. Согласно этим данным, 36 % респондентов из ФРГ старого формата и половина бывших граждан ГДР придерживались мнения, что немцы Запада и Востока Германии стали после воссоединения еще более чужими друг другу. При этом 69 % западных немцев и 79 % восточных признались, что именно после воссоединения Германии им стало ясно, насколько они разные (Nattler, 1993, S. 43). Эти данные могут служить косвенным свидетельством того, что за концептом «социалистической немецкой нации» скрывалось нечто большее, чем лишь идеологический фантом местной партноменклатуры, а именно становящаяся региональная идентичность восточных немцев, подобно тому как квазинациональная идентичность «советского человека» также была не только мифом коммунистической пропаганды, но и в значительной мере реальностью для многих граждан СССР.

Хотя идея представить в национальных терминах массовую мобилизацию, организованную в СССР под лозунгами социалистического строительства, не нова, ее научный анализ долгое время сдерживался (и продолжает сдерживаться в сегодняшней России) идеологическими предрассудками. С одной стороны, официально-консервативная мысль, трактующая русскую революцию в терминах «национального предательства» и «упущенной победы», не может допустить мысли, что сталинская мобилизация 1930-х гг. имеет позитивное отношение к судьбе российской нации. С другой стороны, отечественной либеральной мысли претит сам термин «национал-большевизм», вызывающий дурные ассоциации с одноименными идейно-политическими течениями среди русских и немецких публицистов.

Если говорить о немецких авторах, то, например, Эрнст Никиш подчеркивал: большевизм ценен не столько своей марксистско-коммунистической риторикой, сколько «радикальным отходом от Запада», что само по себе означало для

терного для капиталистической нации, заступает стабильная общность дружественных слоев и классов социалистического общества под руководством рабочего класса и его марксистско-ленинской партии» (Wissenschaftlicher Sozialismus, 1988, S. 339).

⁷ Так, в январе 1983 г. для 26 % опрошенных немцев «люди из ГДР» были симпатичны в такой же мере, что голландцы и французы (хотя одновременно почти в два раза менее симпатичны, чем австрийцы и швейцарцы). При этом ГДР как стране симпатизировали лишь 4 % респондентов (Nattler, 1993, S. 26).

немецкого радикала отказ от принципа частной собственности в пользу примата национальных интересов над личными. Такой отказ, пишет Никиш, воспламенял в сердцах русских людей надежду на спасение от нищеты, поэтому народ в конце концов поддержал красных комиссаров, а не белых генералов, а саму революцию воспринял как «русское национальное дело». Тем самым «русский демократ, он же либеральный капиталист и прозападно настроенный гражданин, стал врагом страны и предателем народа... Большевизм, который вскоре стал русским национал-большевизмом, был формой, в которой Россия высвободила, организовала и с максимальной эффективностью объединила все силы сопротивления против западных держав-победительниц» (Niekisch, 1926, S. 54). По сути, Никиш описывает революцию в России в терминах национальной, точнее национал-большевистской мобилизации. Насколько велика в этом политически ангажированном описании доля научной истины? Описываются ли в нынешней исторической науке большевистские мобилизации как мобилизации национальные?

Как заметила российский историк С. Н. Ушакова, термин «мобилизация» применялся в советской историографии преимущественно в смысле военной мобилизации, тогда как западными исследователями он используется «в собственной политологии трактовке, т. е. как обеспечение поддержки политики советского государства со стороны населения» (Ушакова, 2008, с. 207). Понятие «социальная мобилизация» использовал в качестве ключевого концепта американский историк П. Кенез для анализа советской пропаганды периода 1917–1929 гг. Он называл русских большевиков «великими бессознательными новаторами политики двадцатого столетия» (Kenez, 1985, p. ix), которые впервые в истории создавали «институты массовой мобилизации, ставшие интегральной частью советской системы» (Kenez, 1985, p. 1). Хотя разбираемый Кенезом период 1920-х гг. не позволяет в полной мере поставить вопрос о национальном смысле массовой мобилизации большевиков, американский историк уже намечает переход к этой теме. Он заявляет, что анализ того, как большевики выстраивали свои институты индоктринации, помогает понять «ленинскую ревизию марксизма, имевшую далеко идущие последствия для развития большевистской пропаганды» (Kenez, 1985, p. 6).

Эта ревизия, выразившаяся в ленинском понятии «партии нового типа», была продолжена позднее в сталинском концепте «построения социализма в отдельно взятой стране». Советский публицист и ученый М. Агурский замечает: в интересах сохранения власти большевистской партии «надо было, не идя на существенные уступки, создать видимость того, что режим удовлетворяет исконным национальным интересам русских.... Этот компромисс был найден при встрече двух потоков: одного, стремившегося в сторону большевизма, другого — встречного, несущего свои воды в направлении национализма, готового признать большевизм как русскую национальную силу. Встреча этих потоков произошла в 1924 г., и ее результатом был лозунг “социализм в одной стране”, выдвинутый Сталиным» (Агурский, 2003, с. 200). По мнению М. Агурского, этот лозунг был «по существу, национальным, и не тактически, а стратегически» (Агурский, 2003, с. 211).

Американский историк Д. Бранденбергер развивает подход П. Кенеза к массовой мобилизации в Советской России в сторону концептов национальной мобилизации и коммунистического нацистроительства. Для этого Бранденбергер прежде всего отделяет научное понятие национал-большевизма от его идеологического аналога в работах национал-большевиков⁸ и возводит к полемике между левыми и правыми крыльями внутри самой большевистской партии⁹.

В отечественной науке использование в СССР русско-патриотической символики объяснялось главным образом нуждами военной, а не национальной мобилизации. Бранденбергер же обращает внимание на то, что очевидная военная угроза заставила советское руководство искать идеи, способные реально мобилизовать массу советского населения. При этом выяснилось, что идеи коммунизма и пролетарского интернационализма на эту роль подходят плохо, поэтому «в поисках более сильной вдохновляющей идеи Сталин и узкий круг его приближенных в итоге остановились на руссоцентричной форме этатизма как на самом действенном способе поддержать государственное строительство и достичь массовой лояльности режиму» (Бранденбергер, 2009, с. 8). Тем самым в официальной советской пропаганде 1930-х гг. складывалась парадоксальная ситуация: «Русские национальные герои, система соответствующих образов и мифов использовались в течение этого времени для популяризации господствующей марксистско-ленинской идеологии» (Бранденбергер, 2009, с. 7).

В аспекте национал-коммунистической мобилизации наиболее интересными для дальнейшей дискуссии нам представляются два (далеко не бесспорных) тезиса Д. Бранденбергера:

- 1) сталинский национал-большевистский курс был не просто способом мобилизации советского общества на индустриализацию и войну, но пред-

⁸ Правда, тезис автора о том, что Н. В. Устрялов якобы понимал под «национал-большевизмом» не столько «статус великой державы», сколько «продвижение или самоопределение русского этноса», не выдерживает критики. В статье «Хлеб и вера» (1934) Устрялов, помимо прочего, утверждает: «Большевизм принципиально интернационалистичен, и в этом отношении, несомненно, созвучен большой “вселенской” идее наступающего исторического периода. Фашизм вызывающе шовинистичен, и в этом своем качестве “реакционен”, принадлежит эре уходящей... Национальная идея жива и долго будет жить, но те формы ее воплощения, которые отстаиваются фашизмом, внутренне обветшали, при всей их исторической живучести, несомнимы уже ни с техникой, ни с экономикой нашего времени, чреватого универсализмом» (Устрялов, 1999, с. 215).

⁹ По нашему мнению, при описании данной полемики автор преувеличивает роль Мартемьяна Рютин в обосновании концепта «национал-большевизм». Оппозиционный русский коммунист писал, строго говоря, лишь о «национал-большевике Сталине» и в отношении конкретного вопроса — Брестского мира (Рютин, 1992, с. 138). В стремлении же большевистского вождя строить социализм «в отдельно взятой стране» Рютин усматривал прежде всего бонапартизм, а также опасность «реставрации капитализма» вследствие «сталинской авантюристической “архилевой” политики» (Рютин, 1992, с. 242). А вот русский национал-большевик Н. В. Устрялов как раз замечал, что «в самом сочетании “национализма” и “социализма” кроется противоречие, правда, весьма жизненное в плане сегодняшнего исторического дня, когда даже и большевики вынуждены “строить социализм в одной стране”, — но подлежащее преодолению в масштабе эпохи» (Устрялов, 1999, с. 215).

ставлял собой «молчаливое признание превосходства популистских и даже националистических идей над пропагандой, построенной вокруг принципов утопического идеализма» (Бранденбергер, 2009, с. 8);

- 2) этот пропагандистский поворот, который со стороны самих властей был сугубо прагматичным и популистским шагом, «произвел на русско-советское общество трансформирующий эффект, остававшийся в значительной степени незамеченным учеными до сегодняшнего дня» (Бранденбергер, 2009, с. 15); другими словами, опыт использования советским режимом символического наследия русской истории в целях массовой мобилизации «нечаянно способствовал ни больше ни меньше как формированию русского национального самосознания в советском обществе» (Бранденбергер, 2009, с. 17) — самосознания, которое, пережив распад СССР, сохраняет и поныне культурно-генетическую связь с ним.

Массовая мобилизация как способ национализации коммунизма: опыт Югославии и Китая. Г.-Ю. Пуле обращает внимание на случаи нациестроительства в развивающихся странах, идеологией которых выступает не чистый национализм, но его гибриды с идеями антиимпериализма, социалистического революционаризма и даже коммунизма. Любопытно, что первый исторический прецедент такого рода идеологических гибридов немецкий политолог находит в русском народничестве конца XIX в., считая главной их функцией обеспечение «массовой мобилизации при одновременном контроле над массами» (Пуле, 2010, с. 184). К более поздним случаям гибридной идеологии национальной мобилизации автор относит большинство движений деколонизации в Африке, а также революционные движения в Мексике, Боливии, на Кубе и в Никарагуа. «Даже китайский маоизм, — замечает Пуле, — не обошелся без определенных черт популистского национализма, которые с самого начала возникли в силу следования национальным традициям и прежде всего из концепции [Коммунистической партии Китая] как многоклассовой партии» (Пуле, 2010, с. 184).

Немецкий политолог, обоснованно акцентируя роль маоизма как идеологического средства национальной мобилизации в Китае, некорректно, на наш взгляд, относит успех последней на счет собственно националистической идеологии, недооценивая национализирующего эффекта сгущенной массовой коммуникации, которую организовали в Китае коммунисты. В фактической идеологии маоистской мобилизации (как и в случае прочих национальных версий коммунизма) национализм, конечно, присутствовал «между строк», но сам по себе, в чистом своем виде был частью «буржуазного врага», а потому прямой позитивной роли не играл.

Возникновение китайского и югославского вариантов национал-коммунистической мобилизации, отличных от национал-большевистской версии, американский политолог Ч. Джонсон объяснял политизацией масс в Китае и Югославии в период мировых войн, а также вызванных ими революций, в ходе которых коммунисты получили массовую поддержку. По словам Ч. Джонсона, секрет жизнеспособности (при отсутствии позднее советской помощи) коммунистических режимов в этих странах объясняется тем, что «национализм и коммунизм

в значительной мере стали там синонимами» (Johnson, 1978, S. 203). Местным коммунистам удалось решить нетривиальную политическую задачу по перекодировке националистических импульсов в интернационалистские концепты коммунистической идеологии и наоборот. Коммунизм стал в этих странах своего рода национальным мифом, чему способствовали два дополнявших друг друга обстоятельства, на которые указывает Джонсон: 1) в приходе китайских и югославских коммунистов к власти гораздо более важную роль сыграли потребности национального кризиса, чем логика самого коммунистического движения; 2) как для китайских, так и для югославских коммунистов было характерно прагматичное отношение к идеологической стороне движения с целью приведения его в созвучие с национальной политикой. «Не коммунизм, — заключает Ч. Джонсон, — мобилизовал китайские и югославские массы; скорее наоборот: коммунизм был легитимирован в фазе мобилизации благодаря национальному образу действий коммунистических партий» (Johnson, 1978, S. 209).

Даже с учетом последующего кровавого распада Югославии политический режим был там национально легитимирован в ходе антифашистского партизанского движения, возглавлявшегося коммунистами. Эта борьба была опытом национальной мобилизации с антинационалистическими (против хорватских усташей и сербских четников) лозунгами, поэтому не случайно с феноменом югославского национального сознания традиционно связывалась Югославская народная армия. Армия стала в глазах югославских граждан гарантом целостности страны и основой югославской гражданско-государственной идентичности, а «в повседневном легитимационном употреблении самой армией история партизанского движения стала учредительным мифом, чье изложение следовало неизменяемым, кодифицированным формам» (Стефанов, 2010, с. 269).

В методологическом плане важно, что при объяснении феномена национал-коммунизма Ч. Джонсон ставит во главу угла концепт «социальной мобилизации» в смысле К. Дойча¹⁰. Ссылаясь на американского социолога, Джонсон старается объяснить, почему, например, именно коммунисты оказались идеологами социальной мобилизации в Китае. Американский политолог объясняет это рядом факторов; важнейший среди них — точка кипения китайского общества, достигнутая (как в свое время и в антинацистской борьбе в Югославии) в период войны между китайскими крестьянами и японской армией. Организацию сопротивления захватчикам организовали коммунисты, тогда как буржуазное гоминьдановское правительство было дискредитировано своими связями с иностранными державами (как и Белая гвардия в Гражданской войне 1918–1922 гг. в России). Джонсон подчеркивает: гоминьдановский режим пал не потому, что был побежден превосходящей военной силой китайских коммунистов, а потому, что масса китайских крестьян видела в его деятелях предателей китайского народа, а вовсе не спасителей от «красной чумы».

¹⁰ Социальная мобилизация предполагает, по Дойчу, возникновение нового политического сознания, а также новых потребностей у больших групп людей, что означает высокую степень социальной мобильности (Deutsch, 1961, p. 493–495).

Развиваемый Ч. Джонсоном (с опорой на понятие социальной мобилизации) концепт национал-коммунизма представляется нам более продуктивным, чем понятие «бюрократический национализм», предложенное югославским политиком и ученым М. Джиласом взамен «национал-коммунизма».

Бюрократический национализм М. Джилас считал характерной чертой всех коммунистических партий, даже тех, которые не находились у власти. Первым шагом к этому «национализму партийной бюрократии» он считал именно «национал-коммунизм». По его словам, данным термином в период советско-югославского конфликта 1948 г. обозначали противоречивость тогдашнего коммунистического движения, которое, с одной стороны, присягало на верность «пролетарскому интернационализму», а с другой — распалось на национальные квартиры со своими версиями коммунистической идеологии. Однако, по мнению М. Джиласа, термин «национал-коммунизм» не передает смысл главного, на что сам же указывает: «Коммунизм после обретения власти представляет собой “новый класс”, который не может ни оправдать, ни сохранить свое господство, если он не приведет его в соответствие (пусть лишь на время и только до некоторой степени) со “священным эгоизмом нации”» (Djilas, 1982, S. 40).

Однако для М. Джиласа такое заигрывание коммунистов с национализмом не имеет прямого отношения к социальной (национальной) мобилизации. В китайском коммунизме он видит лишь стадию «бюрократического тоталитаризма», предшествующую «бюрократическому национализму» (Djilas, 1982, S. 41), а не мобилизационный синтез коммунистических и националистических идей. Сталинский «панрусизм», по его мнению, представляет собой «использование наиболее мрачных импульсов русской нации с целью усиления господства и имперской экспансии “нового класса” в его совокупности» (Djilas, 1982, S. 41). Характерно, что представители коммунистического нового класса у М. Джиласа инструментализируют непременно интегральный (праворадикальный) национализм, на что и намекает упомянутое М. Джиласом выражение *sacro egoismo* («священный эгоизм», А. Саландра), в свое время чрезвычайно популярное среди итальянских фашистов. Этой параллелью с фашизмом задается и мрачный прогноз югославского политика относительно бюрократического национализма: из пыли разрушения идеологического коммунистического монолита демократический этос сам по себе не возникнет; зато в результате создается опасность того, что идеологически неприкаянные осколки коммунистического движения быстро найдут приют в шовинистическом иррационализме и националистической мифологии (Djilas, 1982, S. 42–43).

Такое предположение (хотя оно во многом было подтверждено позднейшей эволюцией номенклатурных элит стран «реального социализма») не должно вводить в заблуждение относительно других смыслов концепта «национал-коммунизм». Это выражение у М. Джиласа в значительной мере идеологизировано. Пугая читателя нацистской угрозой, исходящей из недр коммунистических партий, югославский автор не видит национального эффекта коммунистической мобилизации.

Термин «национал-коммунизм» выражал не только чаяния партийной бюрократии (по М. Джиласу), но и межпартийную борьбу (например, в Германии

начала 1930-х гг.). Этот термин, как известно, возник еще в довоенный период коммунистического движения, в частности вокруг противоречивого до абсурдности курса Сталина в отношении европейского фашизма. Так, издававшийся в начале 1930-х гг. в Германии троцкистский еженедельник *Permanente Revolution* обвинял в «национал-коммунизме» руководство просталинского Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (далее — ИККИ) и Коммунистической партии Германии (далее — КПГ), которые не захотели создавать вместе с социал-демократами единый антигитлеровский фронт, зато тщетно пытались, уже под занавес Веймарской республики, перехватить «антимерсальские» лозунги своих правоконсервативных и нацистских оппонентов. «Недавняя национал-коммунистическая волна ИККИ и ЦК КПГ, — говорилось в упомянутом еженедельнике, — годится лишь для того, чтобы подарить Гитлеру новый шанс как раз в тот момент, когда его политический лагерь вошел в процесс разложения по классовому признаку» (ИККИ Plenum zur Lage..., 1932). Левые коммунисты были правы, упрекая КПГ в нечаянной помощи Гитлеру, но их призыв вести предвыборную пропаганду в терминах не Версаля, а «борьбы против обанкротившегося капитализма и его фашистских банд» тоже бил мимо цели, игнорируя стратегию массовой мобилизации. В итоге все германские коммунисты проиграли Гитлеру, потому что не смогли мобилизовать нацию под собственными лозунгами в стране, достигшей точки кипения; они остались в восприятии немцев не национальной партией, а «рукой Москвы». А вот китайские и югославские коммунисты, как и ранее русские большевики, смогли решить задачу национальной мобилизации.

Обычно идеологические кампании китайских (и не только) коммунистов рассматривают по их собственной риторике, а именно в терминах классовой борьбы. Однако подход Ч. Джонсона и Д. Бранденбергера позволяет взглянуть на них как на инструмент национальной легитимации коммунизма. Правда, оба упомянутых автора не используют концепт «национальная мобилизация», предпочитая говорить о мобилизации «социальной» или «массовой».

Историк из Университета Толедо М. Барнс, напротив, развивая этот подход, рассматривает мобилизационные кампании китайских коммунистов именно как способ строительства современной китайской нации. Он выбирает два случая массовых кампаний, организованных китайскими коммунистами в 1950-е гг.: одна из них носила внутривнутриполитический характер (затронувшая все население страны аграрная реформа), а другая — внешнеполитический (кампания «Сопrotивляйся Америке — помоги Корее!» в период Корейской войны 1950–1953 гг.). По словам М. Барнса, эти мобилизационные кампании стали «средством формирования национальной идентичности Китайской Народной Республики путем объединения людей посредством участия в кампаниях под руководством Коммунистической партии Китая» (Barnes, 2013, p. vi).

Концепт национальной мобилизации, развитый в диссертации М. Барнса на китайском примере, оригинален в том смысле, что он касается нациестроительства в незападном обществе, причем под руководством политической силы, взявшей на вооружение интернационалистскую по своим истокам коммунистическую идеологию. Однако именно эта нестандартность случая позволяет

высветить некоторые важные аспекты в феномене национальной мобилизации как таковой. Прежде всего, это позволяет понять, что главным инициатором и организатором нациестроительства не обязательно должна выступать университетски вышколенная и националистически настроенная интеллигенция.

Жесткой привязкой концепта нации и национализма (соответственно, национальной мобилизации) к индустриальному обществу мы обязаны в первую очередь Э. Геллнеру. Подобно К. Дойчу, он связывал национальную мобилизацию с социальной мобильностью, а последнюю — с индустриальным обществом, необходимым условием которого считал «всеобщую грамотность и высокий уровень цифрового, технического и общего знания» (Геллнер, 1991, с. 88). М. Барнс в связи с этим считает проблематичным акцент Б. Андерсона на «печатном капитализме» применительно к генезису современной китайской нации. Ведь в Китае даже к середине прошлого века не было тех «огромных новых читательских публик», о которых пишет британский историк. Соответственно, национальное воображение, которое в европейских странах было выстроено благодаря «отождествлениям и рассказам в газетах, журналах, романах, пьесах и операх» (Смит, 2002, с. 253), в Китае было организовано, утверждает Барнс, иными средствами, а именно через массовое участие китайцев в мобилизационных кампаниях (Barnes, 2013, р. viii). Этот опыт объединил их как нацию, он давал им единый стандартизированный культурный язык.

Успех национал-коммунистической мобилизации в Китае был обусловлен, помимо прочего, тем, что китайские коммунисты создали сеть небольших рабочих групп, которые перемещались из деревни в деревню, вели активную, непрерывную и систематическую агитационно-разъяснительную работу среди населения с использованием символических средств, понятных даже неграмотной массе населения (Barnes, 2013, р. 33–34). Эти группы были, таким образом, аналогом западного печатного капитализма, точнее, его анимационным аналогом. Их деятельность играла роль типичного для аграрных обществ символического языка, тоже унифицирующего культурный опыт миллионов, только исполненного в ином типе знаков. Миллионы китайских «сотворцов» стандартизированных пропагандистских практик, как и миллионы «сочитателей» у Б. Андерсона, образовали «в своей секулярной, партикулярной, зримой незримости зародыш национально воображаемого сообщества» (Андерсон, 2001, с. 67). По словам М. Барнса, аграрная реформа в Китае строила китайскую нацию еще и в том смысле, что она была «мощным инструментом социального выравнивания. Эта кампания, безусловно, не привела к созданию эгалитарного общества; различия в экономическом и социальном статусе китайцев продолжали сохраняться. Тем не менее новый Китай был гораздо более справедливым, чем его предшественник» (Barnes, 2013, р. 41).

Китайские коммунисты начинали национальную мобилизацию в практически безграмотной стране (до 1949 г. более 80 % китайского населения не умели читать и писать), но по мере развертывания мобилизационных кампаний 1950-х гг., в рамках которых были и волны ликбеза, уровень неграмотности удалось уже к началу 1960-х гг. снизить вдвое (Ван Гуанхуа, 1998, с. 15). Это обуславливало реализацию еще одного (упомянутого выше вслед за А. Мелуччи)

условия успешной социальной мобилизации, а именно выявление ясно идентифицируемого врага.

М. Барнс отмечает, что кампания «Сопrotивляйся Америке — помоги Корее», используя средства массовой информации и большой набор медийных жанров (прессу, театр, кино), помогла правительству КНР мобилизовать общество в целях создания общекитайской национальной идентичности. Это чрезвычайно повысило авторитет коммунистов в глазах населения и привело почти к утроению численности компартии по завершении Корейской войны. Важную роль сыграл удачный пропагандистский ход китайских идеологов, которые изображали американское вмешательство в Корею как логическое продолжение японской агрессии против Китая. «Для миллионов китайских граждан, мало знавших о США, такой подход объединил нового врага — Америку, со знакомым агрессором — Японией. В итоге США унаследовали статус Японии в качестве главного империалистического врага Китая» (Barnes, 2013, p. 51). В результате этих двух мобилизационных кампаний китайским коммунистам удалось в значительной мере трансформировать культурно-генетический код традиционного китайского населения, осуществить его культурную мутацию, создав «прочную и устойчивую китайскую национальную идентичность» (Barnes, 2013, p. 62).

Рассмотренные нами случаи национальной мобилизации в коммунистических политических режимах показывают: не все члены общества становятся националистами в ходе национальной мобилизации, а значит, не у всех национальная идентичность оказывается самой важной среди прочих социальных идентичностей, однако наличие таковой есть неотъемлемое условие возникновения и сохранения национальной общности. Вместе с тем убежденные националисты-активисты, мобилизующие массу, замахиваются на большее, но получают должное: желая сделать все население подобными себе националистами, они приводят в действие процесс, на исходе которого может появиться нация как «самореализующееся пророчество».

Заключение. Хотя национализм в существенной мере создает нацию, последняя создается не только национализмом и не состоит из одних лишь националистов. Отождествление национального и националистического сознания, выражающееся, помимо прочего, в отрицании за национализмом статуса политической идеологии, методологически блокирует идентификацию и анализ тех форм успешной национальной мобилизации, которые не вдохновляются (исключительно) националистическими идеями. Вопрос не в том, что национализм обеспечивает национальную мобилизацию, будучи в ценностном отношении нейтральной функцией или невротической реакцией на социальные кризисы, а в том, что национальную мобилизацию обеспечивает не один лишь национализм. Национализм же есть вид политической идеологии, который утверждает принцип нации, при этом предполагая абсолютный приоритет ценностей нации над всеми прочими ценностями и абсолютный приоритет своей нации над другими нациями.

Мобилизационный потенциал националистической и любой иной идеологии реализуется не только благодаря ее собственным концептам и концепту-

альным гибридам, но и в силу ее соответствия общей специфике массовой социальной мобилизации. Будучи видом такой мобилизации, национальная мобилизация не является лишь *пропагандой* и тем более исключительно *националистической* пропагандой, но выступает также способом формирования и поддержания национальной общности через реструктуризацию наличных социальных идентичностей в контексте символически сгущенной и диалогически ориентированной коммуникации. В этом смысле можно говорить о символической политике национальной мобилизации.

Случаи немецкой Реформации XVI в., а еще ранее — папской кампании против турецкой угрозы дают примеры того, как национальная мобилизация может эффективно вдохновляться синтезом религиозных и националистических идей. Причем средством трансляции этих идей были, помимо печатных текстов, также сложные ансамбли символов и символических актов, сгущавших социальную коммуникацию и вовлекавших в нее все слои общества. Аналогичным образом символическая насыщенность национально-мобилизационных кампаний в коммунистическом Китае середины прошлого века обеспечивалась как стандартизованным национальным языком, всеобщей грамотностью и приобщением масс к «высокой культуре» (эффектами «печатного капитализма»), так и мобильностью, массовостью и народностью местного «агитпропа» в контексте успешной аграрной реформы — мощного инструмента социального выравнивания. Китайский опыт национальной мобилизации под коммунистическим руководством показывает, что развиваемый Ч. Джонсоном концепт национал-коммунизма при анализе эволюции коммунистических режимов представляется более продуктивным, чем понятие «бюрократический национализм», предложенное М. Джиласом.

Национальная мобилизация — это способ существования нации как «ежедневного плебисцита», а не простой набор символических актов и кампаний, предшествующий образованию нации и повторяющийся лишь время от времени, в каких-то экстремальных ситуациях. Национальная мобилизация может иметь прерывистый и непоследовательный характер и тем самым приводить к незавершенной нации, как показывают случаи «советского народа» и гражданско-государственных наций в бывших социалистических странах вроде ГДР или Югославии. Эти нации, хотя они и сменились национальными проектами иного рода, не сводились к идеологическим фантомам, а потому остаются релевантным фактором исторической памяти и политической культуры соответствующих стран.

Представленный в статье концепт национальной мобилизации позволяет уточнить вопрос о «национал-большевистском» характере мобилизационных кампаний в сталинской России. Это предполагает учет как минимум трех дистрикций: между идеализированной рецепцией этих кампаний у представителей германского и белоэмигрантского национал-большевизма, с одной стороны, и чисто прагматической их трактовкой большевистским руководством — с другой; между старыми националистическими («русский народ») и новыми гражданско-национальными («советский народ») элементами мобилизационной идеологии; между ожидаемыми (решение локальных политических задач)

и фактическими (формирование советской национальной идентичности) эффектами упомянутых кампаний.

Литература

- Агурский М.* Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 320 с.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении / пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-Пресс, Кучково поле, 2001. 288 с.
- Бранденбергер Д.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: ДНК, 2009. 416 с.
- Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 201–235.
- Ван Гуанхуа.* Основные тенденции развития народного образования Китая после революции 1949 года: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1998. 28 с.
- Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
- Гирц К.* Интерпретация культур / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
- Данн О.* Нации и национализм в Германии 1770–1990 / пер. с нем. СПб.: Наука, 2003. 468 с.
- Ленин В. И.* О лозунге Соединенных Штатов Европы // *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*: в 55 т. 5-е изд. Т. 26. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 351–355.
- Лютер М.* К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния // *Лютер М. 95 тезисов*. СПб.: Роза мира, 2002. С. 17–86.
- Майер В. Е.* Мартин Лютер и рост социально-политического самосознания народных масс в Германии 1517–1521 гг. // *Вестник Удмуртского университета*. 2007. № 7. С. 171–186.
- Пуле Г.-Ю.* Новые национализмы в Восточной Европе — шестая волна? // *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств* / под общ. ред. Э. Яна. М.: РОССПЭН, 2010. С. 174–195.
- Рютин М. Н.* Сталин и кризис пролетарской диктатуры // *Рютин М. Н. На колени не встану* / сост. Б. А. Старков. М.: Политиздат, 1992. С. 113–252.
- Смит Э. Д.* Национализм и историки // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 236–263.
- Стефанов Н.* Ничейная земля — Югославия. О проблеме югославской политической идеи конца 1980-х годов // *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств* / под общ. ред. Э. Яна. М.: РОССПЭН, 2010. С. 265–288.
- Устрялов Н. В.* Хлеб и вера // *Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: документы и материалы* / под ред. А. Ф. Киселева. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. С. 209–218.
- Ушакова С. Н.* Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества // *Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов II Регион. молодеж. науч. конф.* Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. С. 205–212.
- Хрох М.* Исторические предпосылки «национализма» в центрально- и восточноевропейских странах // *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств* / под общ. ред. Э. Яна. М.: РОССПЭН, 2010. С. 107–121.
- Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
- Шох Б.* Одной идеологией государства не построишь. О крахе немецкого социалистического национального сознания в ГДР // *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств* / под общ. ред. Э. Яна. М.: РОССПЭН, 2010. С. 316–340.

Ян Э. Государственная трансформация на востоке Европы. «Второе национальное возрождение» или национализм, национальные движения и образование национальных государств в поздней и посткоммунистической Европе с 1985 года // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе: в 3 т. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств / под общ. ред. Э. Яна. М.: РОССПЭН, 2010. С. 17–89.

Alter P. Nationalismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. 178 S.

Barnes M. L. Mobilization Nation: Mass Movements in the People's Republic of China. Thesis submitted to the Graduate Faculty as partial fulfillment of the requirement for the Master of Arts Degree in History. The University of Toledo, 2013. xviii, 72 p.

Deutsch K. W. Social Mobilization and Political Development // American Political Science Review. 1961. Vol. 55, no. 3. P. 493–514.

Dickens A. G. Reformation and Society in Sixteenth-Century Europe. London: Thames and Hudson, 1966. 216 p.

Dijk T. A. van. Ideology. A Multidisciplinary Approach. London: Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1998. x, 374 p.

Djilas M. Idee und System. Politische Essays. München: Fritz Molden, 1982. 296 S.

Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1988. 137 p.

Ehlers J. Die Entstehung des Deutschen Reiches. München: R. Oldenbourg, 1994. viii, 152 S.

Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press, 2006. x, 592 p.

Graus F. Die Nationenbildung der Westslawen im Mittelalter. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1980. 260 S.

Huizinga J. Wachstum und Formen des nationalen Bewusstseins bis zum Ende XIX. Jahrhunderts // Im Banne der Geschichte. Betrachtungen und Gestaltungen. Nijmegen: Akademische Verlaganstalt Pantheon, 1942. S. 131–212.

IKKIPlenum zur Lage im Deutschland / Eine neue Welle des Nationalkommunismus // Permanente Revolution. 1932. No. 25 (2. Oktoberwoche). S. 43.

Johnson Ch. A. Kommunismus im Dienst des Nationalstaats. Der Fall China in vergleichender Sicht // Nationalismus / H. A. Winkler (Hrsg.). Königstein: Athenäum; Hain, 1978. S. 202–214.

Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1985. xi, 308 p.

Kohn H. Von Machiavelli zu Nehru: Zur Problemgeschichte des Nationalismus. Freiburg im Breisgau: Herder, 1964. 186 S.

Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. München: C. H. Beck, 2000. 250 S.

Melucci A. Challenging codes: collective action in the information age. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 441 p.

Meyers Enzyklopädisches Lexikon. Bd. 16. 9. Aufl. Mei — Nat. Mannheim; Wien; Zürich: Lexikon Verl., 1976. 848 S.

Münkler H. Nation als politische Idee im frühneuzeitlichen Europa // Nation und Literatur im Europa der Frühen Neuzeit. Akten des I. Internationalen Osnabrücker Kingresses zur Kulturgeschichte der frühen Neuzeit / K. Garber (Hrsg.). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1989. S. 56–86.

Nattler E. Wie sehen sich die Deutschen selbst? Empirisches Material aus Ost- und Westdeutschland // Auf dem Weg zu einer gesamtdeutschen Identität? / A. Knoblich, A. Peter, E. Nattler (Hrsg.). Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1993. S. 19–48.

Niekisch E. Rußland — Italien — Deutschland // Widerstand. 1926. No. 6. S. 53–58.

Schwaiger M. A. Nationale Mobilisierung einer Agrargesellschaft. Die Catholic Association, die Loyal National Repeal Association und Young Ireland, 1801–1848. Dissertation an der Fakultät für Geschichts- und Kunstwissenschaften der Ludwig-Maximilians-Universität München. München, 2002. 453 S.

Symmons-Symonolewicz K. Nationalist Movements: An Attempt at a Comparative Typology // Comparative Studies in Society and History. 1965. Vol. 7, no. 2. P. 221–230.

Wehler H.-U. Nationalismus — Geschichte, Formen, Folgen. München: C. Beck, 2004. 122 S.
Winkler H. A. Einleitung: Der Nationalismus und seine Funktionen // Nationalismus / H. A. Winkler (Hrsg.). 2., erw. Aufl. Königstein im Taunus: Athenäum, 1985. S. 5–46.

Wissenschaftlicher Sozialismus — Lehrbuch für das marxistisch-leninistische Grundlagenstudium / G. Grosser, W. Reissig, G. Wolter (Hrsg.). Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1988. 546 S.

Поцелуев Сергей Петрович — д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц.; spotselu@mail.ru, potseluev@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию: 1 декабря 2018 г.;

рекомендована в печать: 14 декабря 2018 г.

Для цитирования: Поцелуев С. П. Национальная мобилизация без национализма: к методологии исследования нетипичных случаев нацистроительства // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14, № 4. С. 465–491. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.402>

NATIONAL MOBILIZATION WITHOUT NATIONALISM: SOME REMARKS ON THE RESEARCH METHODOLOGY OF ATYPICAL CASES OF NATION-BUILDING*

Sergey P. Potseluev

Southern Federal University,
105/42, Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, 344006, Russia;
spotselu@mail.ru, potseluev@sfedu.ru

The article is devoted to the methodology of the analysis of national mobilization, in particular, those cases that are not inspired mainly by nationalist ideas. Based on the critical analysis of various positions of historians and political scientists, the author seeks to justify the need for a distinction between national and nationalist mobilization. The basis of this difference is the understanding of nationalism as a political ideology, which can act as a tool for national mobilization in a pure or hybridized form. However, according to the author, for the success of national mobilization is important not only the conceptual content of ideologies but also the nature of the communicative means (press, “agitprop”, etc.) and the method of communication (condensed and dialogically oriented symbolic communication). The article emphasizes that such communication can be guided by different ideas, including Christian and even Communist. On the example of social mobilization during the German reformation, as well as the Soviet, Yugoslav and Chinese socialisms, the author shows how even the internationalist by birth ideologies can serve as a tool for nation-building. In this connection, the author, based on the existing experience of scientific research of the national-Communist mobilization (Ch. Johnson, D. Brandenberger, M. Barnes), criticized the concept of “bureaucratic nationalism” proposed by M. Djilas. The mobilization potential of the nationalist and any other ideology is realized not only due to its own concepts and conceptual hybrids but also because of its compliance with the general specifics of mass social mobilization. Being a form of such mobilization, national mobilization is not only propaganda and, moreover, only nationalist propaganda, but a way to form and maintain national community through the restructuring of existing social identities in the context of symbolically concentrated and dialogically oriented communication. In this sense, one can speak of the symbolic policy of national mobilization.

Keywords: national mobilization, nationalism, condensed symbolic communication, German Reformation, national Bolshevism, national communism, bureaucratic nationalism, socialist Yugoslavia, Maoist China.

* The study was performed in the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the field of scientific activity. Project No. 30.2875.2017/8.9 “Ethnopolitical and ethno-religious mobilization of the Circassians and Turkic peoples in the Caucasus, Crimea and diasporas abroad”.

References

- Agurskiy M. *Ideologiya natsional-bol'shevizma* [The Ideology of National Bolshevism]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 320 p. (In Russian)
- Alter P. *Nationalismus*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1985. 178 S.
- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Ed. by V. Nikolayeva. Moscow, KANON-Press, Kuchkovo pole Publ., 2001. 288 p. (In Russian)
- Barnes M. L. *Mobilization Nation: Mass Movements in the People's Republic of China. Thesis submitted to the Graduate Faculty as partial fulfillment of the requirement for the Master of Arts Degree in History*. The University of Toledo, 2013. xviii, 72 p.
- Brandenberger D. *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaia massovaia kul'tura i formirovanie ruskogo natsional'nogo samosoznaniia (1931–1956)* [National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956]. St. Petersburg, DNK Publ., 2009. 416 p. (In Russian)
- Breuilly J. *Podkhody k issledovaniiu natsionalizma* [Approaches to the study of nationalism]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow, Praxis Publ., 2002, pp. 201–235. (In Russian)
- Dann O. *Natsii i natsionalizm v Germanii 1770–1990* [Nation and nationalism in Germany 1770–1990]. Transl. from German. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. 468 p. (In Russian)
- Deutsch K. W. Social Mobilization and Political Development. *American Political Science Review*. 1961, vol. 55, no. 3, pp. 493–514.
- Dickens A. G. *Reformation and Society in Sixteenth-Century Europe*. London, Thames and Hudson, 1966. 216 p.
- Dijk T. A. van. *Ideology. A Multidisciplinary Approach*. London, Thousand Oaks; New Delhi, SAGE Publications, 1998. x, 374 p.
- Djilas M. *Idee und System. Politische Essays*. München, Fritz Molden, 1982. 296 S.
- Edelman M. *Constructing the Political Spectacle*. Chicago; London, The University of Chicago Press, 1988. 137 p.
- Ehlers J. *Die Entstehung des Deutschen Reiches*. München, R. Oldenbourg, 1994. viii, 152 S.
- Freeden M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford, Oxford University Press, 2006. x, 592 p.
- Geertz C. *Interpretatsiia kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Transl. from English. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 560 p. (In Russian)
- Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Transl. from English by T. V. Berdikova, M. K. Tyun'kina. Moscow, Progress Publ., 1991. 320 p. (In Russian)
- Graus F. *Die Nationenbildung der Westslawen im Mittelalter*. Sigmaringen, Jan Thorbecke Verlag, 1980. 260 S.
- Hroch M. *Istoricheskie predposylki «natsionalizma» v tsentral'no- i vostochnoevropeskikh stranakh* [Historical background of “nationalism” in Central and Eastern European countries]. *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope: v 3 t. T. 1: Neudavshiisia natsionalizm mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstv* [Nationalism in Late and Post-Communist Europe. In 3 vols. Vol. 1. The failed nationalism of multinational and partial states]. Ed. by E. Jahn. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 107–121. (In Russian)
- Hroch M. *Ot natsional'nykh dvizhenii k polnost'iu sformirovavsheisia natsii: protsess stroitel'stva natsii v Evrope* [From National Movements to a Fully Formed Nation: The Process of Building Nations in Europe]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow, Praxis Publ., 2002, pp. 121–145. (In Russian)
- Huizinga J. *Wachstum und Formen des nationalen Bewusstseins bis zum Ende XIX. Jahrhunderts. Im Banne der Geschichte. Betrachtungen und Gestaltungen*. Nijmegen, Akademische Verlaganstalt Pantheon, 1942, S. 131–212.
- IKKIPlenum zur Lage im Deutschland. *Eine neue Welle des Nationalkommunismus. Permanente Revolution*. 1932, no. 25 (2. Oktoberwoche), S. 43.

Jahn E. Gosudarstvennaia transformatsiia na vostoке Evropy. «Vtoroe natsional'noe vozrozhdenie», ili natsionalizm, natsional'nye dvizheniia i obrazovanie natsional'nykh gosudarstv v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope s 1985 goda [State Transformation in Eastern Europe. "The Second National Revival" or nationalism, national movements and the formation of national states in late and post-communist Europe since 1985]. *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope: v 3 t. T. 1: Neudavshiisia natsionalizm mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstv* [Nationalism in Late and Post-Communist Europe. In 3 vols. Vol. 1. The failed nationalism of multinational and partial states]. Ed. by E. Jahn. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 17–89. (In Russian)

Johnson Ch. A. Kommunismus im Dienst des Nationalstaats. Der Fall China in vergleichender Sicht. *Nationalismus*. H. A. Winkler (Hrsg.). Königstein, Athenäum; Hain, 1978, S. 202–214.

Kenez P. *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929*. Cambridge, etc., Cambridge University Press, 1985. xi, 308 p.

Kohn H. *Von Machiavelli zu Nehru: Zur Problemgeschichte des Nationalismus*. Freiburg im Breisgau, Herder, 1964. 186 S.

Langewiesche D. *Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa*. München, C. H. Beck, 2000. 250 S.

Lenin V. I. O lozunge Soedinennykh Shtatov Evropy [About the slogan of the United States of Europe]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [The full composition of writings]. In 55 vols. 5th ed. Vol. 26. Moscow, Publishing house of political literature, 1969, pp. 351–355. (In Russian)

Luther M. K khristianskomu dvorianstvu nemetskoj natsii ob uluchshenii khristianskogo sostoianiia [To the Christian Nobility of the German Nation on Improving the Christian State]. Luther M. *95 tezisov* [95 Theses]. St. Petersburg: Roza mira Publ., 2002, pp. 17–86. (In Russian)

Mayer W. E. Martin Liuter i rost sotsial'no-politicheskogo samosoznaniia narodnykh mass v Germanii 1517–1521 gg. [Martin Luther and the growth of the socio-political identity of the masses in Germany 1517–1521]. *Vestnik udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt state University]. 2007, no. 7, pp. 171–186. (In Russian)

Melucci A. *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 441 p.

Meyers Enzyklopädisches Lexikon. Bd. 16, 9. Aufl. Mei — Nat. Mannheim; Wien; Zürich, Lexikon Verl., 1976. 848 S.

Münkler H. Nation als politische Idee im frühneuzeitlichen Europa. *Nation und Literatur im Europa der Frühen Neuzeit. Akten des I. Internationalen Osnabrücker Kingresses zur Kulturgeschichte der frühen Neuzeit*. K. Garber (Hrsg.). Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1989, S. 56–86.

Nattler E. Wie sehen sich die Deutschen selbst? Empirisches Material aus Ost- und Westdeutschland. *Auf dem Weg zu einer gesamtdeutschen Identität?* A. Knoblich, A. Peter, E. Natter (Hrsg.). Köln, Verlag Wissenschaft und Politik, 1993, S. 19–48.

Niekisch E. Rußland — Italien — Deutschland. *Widerstand*. 1926, no. 6, S. 53–58.

Puhle H.-J. Novye natsionalizmy v Vostochnoi Evrope — shestaia volna? [New nationalism in Eastern Europe — the sixth wave?]. *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope: v 3 t. T. 1: Neudavshiisia natsionalizm mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstv* [Nationalism in Late and Post-Communist Europe. In 3 vols. Vol. 1. The failed nationalism of multinational and partial states]. Ed. by E. Jahn. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 174–195. (In Russian)

Ryutin M. N. Stalin i krizis proletarskoi diktatury [Stalin and the crisis of the proletarian dictatorship]. Ryutin M. N. *Na koleni ne vstanu* [I won't get on my knees]. Comp. by B. A. Starkov. Moscow, Politizdat Publ., 1992, pp. 113–252. (In Russian)

Schoch B. Odnoy ideologiyey gosudarstva ne postroish'. O krakhe nemetskogo sotsialisticheskogo natsional'nogo soznaniya v GDR [Only by ideology, it is impossible to build a state. On the collapse of the German socialist national consciousness in the GDR]. *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope: v 3 t. T. 1: Neudavshiisia natsionalizm mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstv* [Nationalism in Late and Post-Communist Europe. In 3 vols. Vol. 1. The failed nationalism of multinational and partial states]. Ed. by E. Jahn. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 316–340. (In Russian)

Schwaiger M. A. *Nationale Mobilisierung einer Agrargesellschaft. Die Catholic Association, die Loyal National Repeal Association und Young Ireland, 1801–1848. Dissertation an der Fakultät für Geschichts- und Kunstwissenschaften der Ludwig-Maximilians-Universität München.* München, 2002. 453 S.

Smith A. D. Natsionalizm i istoriki [Nationalism and historians]. *Natsii i natsionalizm [Nations and nationalism]*. Moscow, Praxis Publ., 2002, pp. 236–263. (In Russian)

Stefanov N. Nicheinaia zemlia — Iugoslaviia. O probleme iugoslavskoi politicheskoi idei kontsa 1980-kh godov [No man's land — Yugoslavia. On the problem of the Yugoslav political idea of the late 1980s]. *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope: v 3 t. T. 1: Neudavshiiia natsionalizm mnogonatsional'nykh i chastichnykh natsional'nykh gosudarstv [Nationalism in Late and Post-Communist Europe. In 3 vols. Vol. 1. The failed nationalism of multinational and partial states]*. Ed. by E. Jahn. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 265–288. (In Russian)

Symmons-Symonolewicz K. Nationalist Movements: An Attempt at a Comparative Typology. *Comparative Studies in Society and History*. 1965, vol. 7, no. 2, pp. 221–230.

Ushakova S. N. Sotsial'naia mobilizatsiia kak sistemnaia kharakteristika sovetskogo obshchestva [Social mobilization as a systemic characteristic of Soviet society]. *Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: problemy i perspektivy: sb. mat-lov II regional'noi molodezhnoi nauch. konf. [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects: Proceedings of the II Regional Youth Scientific Conference]*. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN Publ., 2008, pp. 205–212. (In Russian)

Ustryalov N. V. Khleb i vera [Bread and faith]. *Politicheskaiia istoriia russkoi emigratsii. 1920–1940 gg.: dokumenty i materialy [The political history of Russian emigration. 1920–1940: documents and materials]*. Ed. by A. F. Kiselev. Moscow, VLADOS Publ., 1999, pp. 209–218. (In Russian)

Van Guankhua. *Osnovnyye tendentsii razvitiya narodnogo obrazovaniya Kitaya posle revolyutsii 1949 goda [The main trends in the development of public education in China after the 1949 revolution]*. Abstract of PhD Thesis. Kazan', 1998. 28 p. (In Russian)

Wehler H.-U. *Nationalismus — Geschichte, Formen, Folgen.* München, C. Beck, 2004. 122 S.

Winkler H. A. Einleitung: Der Nationalismus und seine Funktionen. *Nationalismus.* H. A. Winkler (Hrsg.). 2., erw. Aufl. Königstein im Taunus, Athenäum, 1985, S. 5–46.

Wissenschaftlicher Sozialismus — Lehrbuch für das marxistisch-leninistische Grundlagenstudium. G. Grosser, W. Reissig, G. Wolter (Hrsg.). Berlin, Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1988. 546 S.

Received: December 1, 2018

Accepted: December 14, 2018

For citation: Potseluev S. P. National Mobilization without Nationalism: some Remarks on the Research Methodology of Atypical Cases of Nation-Building. *Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 4, pp. 465–491. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.402> (In Russian)